

[Вышел 19 марта 1925]

[91 (062) (584)]

Journal of the Turkestan Branch of the Russian Geographical Society.
1924. Vol XVII.

XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВЕСТИЯ

ТУРКЕСТАНСКОГО ОТДЕЛА

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Том XVII.

Под редакцией секретаря Отдела И. А. Райковой.

Ташкент.

1924 г.

Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея „Ходжа-Ахмада“ в группе „Шах-Зинда“, в Самарканде в 1922 году.

М. Е. М а с с о н.

Два ряда скромных по размерам мавзолеев, таящих секрет красоты и изящества в простоте линий и форм, то примыкая бок о бок друг к другу, то соединяясь пролетами простой кирпичной кладки, уступами взбираются на возвышенность городища Афросиаб и, прорезав остатки его могучей стены, входят во внутрь бывшего Шахристана, образуя своими передними фасадами как бы корридор одного из лучших памятников Самарканда, известного под именем «Шах-Зинда».

Чарует и пленяет этот памятник-мозаика, не вызванный к жизни единым замыслом строителя, не проникнутый одной общей архитектурной идеей, но сложившийся случайно, сам собой, в течение VIII и IX веков хиджры, без предварительного плана. Каждый мавзолей—это отдельное звено, вполне самостоятелен, строго продуман, выдержан и завершен одним отдельным лицом. Повторений нет, и эта разнохарактерность, иногда не сразу воспринимаемая, создает особую прелесть, чередуя ажурную резьбу изразцов одних с плоской цветной майоликой или сочным ковром мозаик других.

Пять веков лишили памятник не только части его изразцовой одежды, но, как показали исследования последнего времени, бесследно исчезли с поверхности не менее четырех мавзолеев, части облицовки порталов которых во многих десятках и даже сотнях фрагментов извлечены были из выкопанных снаружи траншей. Если бы не мешали могилы, со всех сторон тесно обступившие памятник, то снятием верхнего слоя в 2—2,5 метра нетрудно было бы восстановить его прежний план. При настоящих условиях это пока невозможно.

Все же маленькую долю этой работы частично удалось выполнить в конце 1922 года Самаркандской Комиссии по охране памятников старины.

Виною всему был несчастный случай.

Описание остатков портала мавзолея «Ходжа-Ахмада» до производства откопки.

С севера вышеупомянутый корридор замыкается небольшим стройным порталом, с двумя полуколонками по углам, с центральной аркой, сохранившей еще значительную часть своего богатого убранства из резного изразца и майолики. Входную арку окаймляет надпись, заключающая в себе четверостишие на персидском языке:

«Если (даже) ты сделаешься Царем Ирака и Царства Китайского,
«Конец твой (все же) должен быть под этой землей.
«Ради чего ты твое сердце предаешь этому тленному миру,
«Когда окончание всех дел будет таково».

Другая глубоко врезанная в кирпич арабская надпись, начинавшаяся у основания Восточного устоя портала, восходит вверх, возможно окаймляла тимпан арки и нисбегает по западному устою. Ныне начало, середина и конец ее утрачены. Из оставшегося видно, что сооружение это возведено над «пресветлою могилой Ходжа-Ахмада». Надпись оборвана на слове **فى**, за которым, повидимому, следовал год постройки.

В лепесток лиственного орнамента, по которому пущена надпись, скромно вплетено **عمل فخرى الى**

К Ю--В. углу его примыкает мавзолей, построенный в 762 году хиджры, который автор «Самарии» Абу Тахир Ходжа называет усыпальницей жены Тимура «Кулук Ака» *). Напротив, сильно выдвинувшись в корридор, так что закрывает часть портала мазара Ходжа Ахмада, высится безымянный мавзолей 808 года хиджры. В промежутке между ними через калитку и по 6-ти широким ступеням можно подняться на обширное древнее кладбище,—именно подняться, т. к. весь памятник глубоко «врос» в землю (до 2,7 м.) и продолжает вростать за счет новых и новых ярусов правоверных покойников.

Снаружи, со стороны кладбища, над поверхностью земли возвышалась лишь часть портала с той приблизительно высоты, где помещаются пять персидских перемычных парусов.

И этот последний осколок, когда-то бывшего за ним мавзолея, что нетрудно было предугадать а priori, сильно накренившись вперед, грозил падением, которое могло наступить неожиданно вследствие какого-нибудь средней силы толчка землетрясения и даже само собой, как результат вековой деформации нижних частей устоев.

Перед Самаркандской Комиссией по охране памятников старины встала задача выяснения причин наклонения и в зависимости от этого способов поддержания и даже выпрямления его в прежнее положение. Явилось необходимым произвести исследование цоколей, фундаментов и скрытых под землей частей здания, т. е. нарушить неприкосновенность культурных слоев в одном из интереснейших в археологическом отношении мест.

Задачи археологической секции при осуществлении надзора над производимыми земляными работами.

✓ Мазар «Шах и Зинда».—гробница Куссама бин Аббаса, всегда занимавшая первое место среди святынь города, хотя и упоминается в исторических сочинениях с XII века по Р. Хр., но не исключена возможность, что на ее месте до ислама уже была почитаемая местная святыня, культ которой позднее отождествили с могилой мусульманского святого.

Приблизительно около 1330 г. по Р. Хр. Самарканд посетил арабский географ Ибн Батута, бывший в Мавераннахре при монгольском хане Тармаширине (1322—1334 г. по Р. Хр. или 722—734 г. хиджры **). Он оставил нам одно из самых подробных описаний могилы Куссама. Сравнивая его с существующими зданиями, нетрудно установить, что знаменитый географ видел другое, возможно, также не первоначальное соору-

*) Неизвестно приводит-ли Абу Тахир Ходжа это сведение со слов шейхов, или в его время еще сохранялись части изразцовой надписи на портале с именем.

***) Ибн Батута начал путешествие в 1324 г. (725 г. хиджры), выехав из Африки в Мекку, после чего ездил по разным странам до 1348 г., когда и вернулся в Мекку. В 1353 г. поселился в Марокко, где и написал свои путешествия.

жение, которое, вероятно, придя в упадок, затем—и есть данные, что это случилось вскоре после посещения Ибн Батута—было заменено новым, дошедшим до нас.

Таким образом, при всяких земляных выемках вблизи памятника следовало ожидать возможности открытия следов более древних сооружений. Напомню, что это не была чисто археологическая работа и, принимая на себя надзор за производившимися работами, археологическая секция ставила себе задачей лишь вести строгую регистрацию нарушаемых слоев с надеждой, что можно будет датировать время постройки, выяснить историю здания и при особо благоприятном случае получить какие-нибудь биографические сведения о Ходжа Ахмаде, о котором, кроме имени, ничего не известно.

Раскопка мавзолея Позднею осенью, по поручению Комиссии, я заложил две первые траншеи, сразу обнажившие гребни засыпанных остатков стен мавзолея.

Не будем останавливаться на последовательном ходе работ, ни перечислять всех траншей и их содержимое и добычу (об этом имеются сведения в подробном отчете, представленном мною в Туркомстарис), и перейдем к полученным результатам на 11-й день откопки.

Перед нами открылась в очищенной от земли яме небольшая квадратная комната $4,83 \times 4,87$ м., примыкавшая с юга к сохранившемуся portalу, из которого внутрь вела заделанная кирпичем и другим строительным мусором дверь, и имевшая в остальных стенах широкие ниши. План типичный для всех купольных усыпальниц подобного рода. Стены, сохранившиеся от пола до 2,50 м., когда то были оштукатурены двойным слоем алебаstra, а низ их был одет панелью из интересных, с легким рельефом изразцов продолговатых и квадратиков, с благородным орнаментом, напоминавшим геральдические лилии. Квадрат стен с помощью перемычных парусов переходил в купол, судить о конструкции которого и об украшении у нас нет никаких данных. Вообще, снаружи, исключая дивный портал, повидимому, изразцовой облицовки не было.

Поперек комнаты, ближе к Северной стене вытянулись 4 памятника. 3 из них плохо сохранили свою форму; средний оторочен мраморной каймой со следами росписи, два крайние—отделены от пола изразцовым голубым бордюром. Зато четвертый, лежащий у ниши Западной стены, несколько выдаваясь из ряда других, лучше уцелел, дал возможность реконструировать его форму и причинил немало радостей и огорчения. После каждого взмаха щетки и кисти, обнажавшего от земли ту или иную часть розовато-желтых мраморных плиток, из которых выложен надгробник, ярко вспыхивала золотом фресочная живопись, покрывавшая как плоские так и резные, рельефные поверхности. Не только позолота, но и другие краски—синяя, желтая, коричневая и зеленая—горели в пыльной, грязной яме, как будто со времени их наложения не прошло несколько веков невзгод. Тяжелый покров обрушившегося купола бережно хранил их свежесть и чистоту. Но проходит час. Сухой воздух жадно впитывает в себя влагу сырого мрамора; тускнеют краски; фреска покрывается краклярами. Еще час—фреска свертывается и отпадает.

Для спасения их употребился фиксирующий раствор козеина, яичный желток, но сколько-нибудь удовлетворительный результат дал только лак, слегка разбавленный бензином. Он сохранил нам большую часть фресок, которые расписаны благородным цветочным стилизованным орнаментом.

До нас не дошло ни типа открытых надгильников, ни употребленного приема в их украшении. Последнее невольно наводит на мысль, не были ли первоначально раскрашены все мрамора, украшающие внутренние части памятников Самарканда и облезшие теперь плохо гармонирующие своей однотонностью с росписью выше лежащих алебастровых площадей. Некоторые из них в углублениях плоских сталактитов и гнездах рельефов сохранили следы красок. Вспомним аналогию с греческими статуями, которые мы так же привыкли видеть „обнаженными“, между тем, в свое время они все покрывались теплой и яркой раскраской.

Но вернемся к раскопке.

У северного конца вышеупомянутого четвертого надгильника в самом углу стоял небольшой пьедестал (0,79 м. × 0,41), с двух фасадных сторон облицованный глазированными хрупкими плитками из „кашина“ и резными изразцами. Обрушившееся перекрытие потолка разбило пьедестал, и куски его, присыпанные строительным мусором, валялись около там и сям. После месячного изучения остатков мне удалось их раставрировать на гипсе. Получилось необыкновенно изящное сооружение не то небольшого надгробия, не то основание „чирок-хана“ (چراغ خانه). Плитка боковой небольшой стороны сохранила имя автора — в орнамент вплетено عمل عمر جمال. Под пьедесталом погребения не обнаружено.

Зато у другого конца того же четвертого надгильника на уровне пола выведена была площадка в два ряда кирпичей (0,57 м. × 0,41 м.) со следами толстого слоя алебастра; в тесте которого, ясно видны были гнезда от выпавших изразцов. Под площадкой ниже уровня пола оказалась небольшая ямка (0,82 м. × 0,30 × 0,33 м.), перекрытая двумя рядами жженого кирпича. Беспорядочно наваленные в нее кости возглавлял череп, обращенный лицом к Югу, с прекрасно сохранившимися коронами зубов и необыкновенно толстостенной черепной коробкой.

Влево от входа лежал ступенчатый кирпичный остов надгильника, который тоже, повидимому, был декорирован изразцами. Под ним погребения нет и очень возможно, что он целиком сдвинут с какого-нибудь основания первых трех надгильников, т. е. является их верхней частью.

Ниша выходной двери, как уже упоминалось, была заделана кое-как и оштукатурена лишь со стороны корридора. Снутри же к ней примыкал примитивный очаг из закопченных кусков резных мраморов и крупных изразцовых плит; рядом валялись большая пиала и блюдо розовой поливы XVIII века, угли, зола и череп кошки.

Полученных результатов было вполне достаточно для тех целей, ради которых производилось вскрытие. Фундаменты были обнажены, связь портала с остальной частью здания выяснена. Оставалось снять фотографии с того, что было стрыто, запротоколировать виденное, засыпать вновь и приступить к оттяжке портала. Это было очень обидно. Комиссия, собравшая на месте, вынесла постановление на свой риск — оставить внутреннюю часть мавзолея незасыпанной, надстроить стены и перебраться на них временное перекрытие. Внутренность мавзолея привести в полный порядок.

И вот при последнем деятельно заработал археологический щуп. Много раз вонзался он в пол мавзолея и открыл то, о чем мы не могли предполагать. Он прощупал склеп. Не склеп, с надгильными камнями,

который был известен по другим памятникам, а настоящий первый склеп в Средней Азии с останками погребенных в нем. Это было неожиданно и ново.

Был целый ряд причин, не давший возможности произвести детального обследования его. На это ушло не более получаса, правда, необыкновенно интенсивной работы, а в склепе я не провел и десяти минут.

Склеп Мавзолея. Дружная работа двух кетъменей и лопаты вскрыла начинающийся у восточной* стороны арки входной двери корридор, шириною в 0,78 м., лежащий много глубже пола, когда то перекрытый арочным сводиком и уходящий вниз по направлению к середине комнаты. Со дна его извлечены были две медные монгольские монеты. Корридор этот упирался в перекрытый грубой арочкой полусасыпанный вход в склеп. На четвереньках вползли мы через открывшуюся дыру в склеп.

Зажмурив глаза на некоторое время и открыв их затем, мы разглядели, что он представлял небольшое прямоугольное помещение (3,60 м. × 2,28 м.), перекрытое сомкнутым сводом, как бы сведенным из четырех угловых арок, повидимому, в один ряд кирпича, положенного наребро, с отверстием в середине, прикрытым снаружи кирпичем. Высота в середине 1,67 м. Пол завален рыхлой землей (слоем от 0,18 м. до 0,36 м. толщиной); стены и потолок покрыты алебастровой штукатуркой от 2-х до 4 м.м. толщиной, без всяких следов раскраски или надписей.

Почти против входа в северной стене склепа выведен второй корридор, чуть ли не совершенно заваленный землей, хотя и перекрыт сохранившимся кирпичным сводом. Лежа на животе, протискался я в свободное от завала отверстие сколько было возможно, а когда застрял, то раскрытым метром в протянутой руке нащупал какую то преграду. Отметив на спине место, где она касалась верха входного отверстия, вылез я из тесной щели и, растянувшись в таком же положении на полу склепа, был замерен рулеткой. Результат обмера ясно показал, что корридор выходит за пределы мавзолея.

Но самое интересное заключалось в том, что у восточной и западной стен склепа почти вплотную с ними стояли два деревянные гроба и в них по одному скелету, которые были обращены на север головой. Не было никаких сомнений, что мы имеем дело с мусульманским погребением.

В ритуале погребения правоверных нет и помину о гробах. Но факт на лицо. И это наличие гробов рассеивает сомнение, вызывавшееся сообщением о погребении Тимура Ибн Арабшаха, который говорит, что сперва тело эмира было положено в гроб из черного дерева, а через некоторое время было переложено в стальной гроб, приготовленный искусным мастером из Шираза. Теперь абсолютному недоверию нет места *).

* В настоящее время мавзолей Тимура переживает тяжелый кризис. Поражавший всех плоский свод над подземными вторыми надгробьями дал значительные прогибы. Сверху это отмечается рядом разрывов в полу и намогильниках. Требуется для спасения быстрее безотлагательное техническое вмешательство. Быть может, при исследовании удастся разрешить вопрос и о погребении великого Эмира. Можно думать, что под тем помещением, которое именуется неточно склепом, есть действительно настоящий склеп.

Оба гроба склепа мавзолея Ходжа Ахмада сделаны из необыкновенно толстых, повидимому, тутовых досок (толщиною в 8 с.) в форме прямоугольных массивных ящиков размерами 1.86 м. × 0,54 м. и глубиною 0,38 м. Сверху раньше их прикрывала крышка из более тонких коротких досок, положенных поперек гроба. В момент нашего осмотра они были уже сорваны и разбросаны по склепу. Гроб у западной стены сохранился хуже и рассыпался. Кроме скелетов, в гробах ничего не было, да и те были кем то потревожены: так, бедреная кость лежала выше черепа в западном гробе. Никаких предметов утвари или черепков внутри склепа не обнаружено.

Помимо внутренней откопки были пробиты и наружные траншеи, давшие несколько сот изразцов, массу черепков посуды (особенно интересна поливная чашка XIV—XV века с изображением на белом фоне синего воробья), много резных мраморов, резных неглазированных кирпичей более раннего времени, около 40 монет из них 10 серебряных; осколок стеклянного сосуда с позолотой и с разноцветной росписью красной, синей, зеленой красками. Только типичный для Востока орнамент с вплетенными арабскими буквами удерживает от признания за ним венецианского происхождения. Во всяком случае подобного стекла до сего времени в Туркестане не встречалось и, возможно, оно относится к иноземным ввозимым товарам.

Наконец, исследования дали ряд мелких отдельных интересных данных, позволивших сделать некоторые обобщения и отчасти высветлить историю мавзолея Ходжа Ахмада.

Вот к чему сводятся итоги.

Прежде всего получить точную дату постройки не удалось. Делалась попытка сложить из откопанных кусков изразцов недостающий конец надписи с годом — но за малым числом фрагментов она оказалась безрезультатной. Пришлось прибегнуть к сопоставлениям.

Время сооружения мавзолея Ходжа Ахмада.

- 1). Портал мавзолея Ходжа Ахмада по самой конструкции, по характеру украшений, по типу и по технике исполнения рельефных резных изразцов более всего походит на портал мавзолея, стоящего рядом и имеющего дату окончания «13-ый день месяца сафар 762 года», т. е. относится к концу монгольского периода.
- 2). На этот же период указывает нахождение монгольских монет в корридоре, ведущем в склеп.
- 3). Ступеньчатый характер надгробия, конструкция неизвестного реставрированного пьедестала могут быть сопоставлены только с единственным дошедшим до нас подобным надгробием Куссама бин Аббаса. Находится оно в недоступной даже для большинства мусульман комнате, за решеткой, сквозь которую можно разглядеть лишь груды наваленных на него покрывал. Раз в год покрывала перекалываются — ветхие уничтожаются, накладываются новые. В 1897 г. провалился купол мазара и во время возведения нового инженер Крамаренко снял фотографию с надгробия. Подробное описание его оставил побывавший за год до того внутри мавзолея мусульманин С. А. Лапин. Абу Тахир Ходжа в надписи под куполом мечети, пристроенной к мазару Шах Зинда прочитал год постройки — 735 г.

хиджры. Близко около этого года, повидимому, было сооружение самого мазара Куссама, т. к. около 730 г. в Самарканде был Ибн Батута, описавший другое здание.

Тип надгробий мавзолея Ходжа Ахмада, как не имеющих в последующую эпоху Тимура и более позднее время себе подобных, следует признать более ранним, чем остальные надгробия группы мавзолеев Шах Зинда, исключая надгробия Куссама, и повторяющим более древние формы.

- 4). Фундаменты всех сооружений эпохи Тимура и более поздних времен отличаются солидностью, а в больших сооружениях опущены даже на глубину нескольких сажен. Между тем, ни в одном из откопанных крупных зданий городища Афросиаб, относящегося к до Тимуровскому периоду, фундаментов не оказалось. Нет никакого фундамента и под мавзолеем Ходжа Ахмада, тогда как рядом стоящий мавзолей 762 г. имеет уже бутовую кладку, правда еще незначительную. Все же, допустимо предположить, что этот последний построен позднее мавзолея Ходжа Ахмада.

Дальнейшая краткая история Мавзолея.

Дальнейшая история мавзолея, судя по полученным при раскопках данным в кратких чертах сводится к следующему.

Центральный надгробийник, украшенный богаче других, должно быть, принадлежит первому погребению в мавзолее, ради которого последний и сооружался, т. е. Ходжа Ахмаду. Но для него нет соответствующего скелета. Возможны два предположения: или — что могила вырыта под полом склепа, или — что мавзолей и надгробийник воздвигнуты не над местом действительного упокоения Ходжа Ахмада (последнее нам кажется более вероятным).

Надгробиям справа и слева от него соответствуют погребения в гробах в склепе. Наконец, четвертому надгробийнику — погребение в ямке. Этот покойник — последний по времени помещения под куполом мавзолея — перенесен сюда много спустя после смерти, когда от трупа остались одни рассыпавшиеся кости, для которых не было надобности рыть большой могилы.

Некоторое время спустя после сооружения мавзолея 762 г. был сложен пол, найденный снаружи в траншее № 3, а в промежутке между мавзолеем Ходжа Ахмада и 762 г. сделан выход на кладбище. Судя по сильно сбитым кирпичам ступеней пола и стертому порогу простенка, им пользовались не один десяток лет. Впоследствии, спустя некоторое время после сооружения мавзолея 808 г., выход из коридора на кладбище перенесли в то место, где он существует и ныне. В XVII и XVIII веках мавзолей был запущен. Дверь порталной арки из коридора была заложена, вероятно, потому, что северная стена сильно пострадала, а кладка ее ниши и совсем завалилась. Крыша пока была еще цела, и в полуразвалившемся заброшенном мавзолее находили уют бездомные бродяги-юрродивые «дивона». Один из них мог быть хозяином вышеупомянутого очага из резных мраморов и кусков изразцовых плит, глазированных пиалы и блюдца XVIII века. В 20-х годах XVIII столетия Самарканд переживал тяжелый период запустения, когда в течение семи лет он был покинут жителями. Орды киргиз и калмыков наводнили долину Заревшана. Возможно, что в этот период через провалившийся слабый свод коридора, ведущего в склеп, внутрь его проникли граби-

тели, плохо знакомые с погребальными обычаями мусульман, которым Ислам строго запрещает класть в могилы с покойниками какие-бы то ни было предметы. Не найдя, должно быть, ничего, они кощунственно нарушили покой и положение скелетов в гробах.

После того рухнул купол. Целые кирпичи были извлечены и употреблены на другие надобности. С тех пор внутренность стала постепенно наполняться строительным мусором, в то время как снаружи не менее интенсивно рос культурный слой, заставляя здание как бы уходить в землю. Еще при занятии русскими Самарканда в 1868 г. верхи развалившихся стен мавзолея доходили до уровня земли и между ними была значительная яма, в которую ссыпали большое количество изразцов, вероятно, по распоряжению русских властей о приведении в порядок памятника. Этим объясняется находка в щели одного из резных изразцов русской монеты достоинством в две коп. 1867 г., лежавшей на глубине 0,80 м. от поверхности земли.

Фотография с мавзолея Ходжа Ахмада в Кауфманском альбоме, снятая до 1872 г., уже отмечает сильный наклон портала, который, повидимому, начался задолго до прихода русских. В 80-х годах прошлого столетия были примазаны в виде контрфорсов две уродливые боковые кладки со стороны кладбища. Теперь они удалены. Портал облегчен. Заделана ужасная щель в крыше, сглажены скаты, а со стороны коридора система подкосных балок бережно поддерживает поникнувший под тяжестью 5-ти с половиной столетий портал, сохранивший в остатках былого великолепия изразцового покрова свежесть и блеск своих первых дней.

Дальнейшая судьба памятника зависит от отпуска средств. Обречен ли он на разрушение или с помощью современной техники мы сможем продлить его существование еще на несколько столетий — покажет будущее.

Г. Ташкент, 28 марта 1924 г.

Могила с одиночным погребением в сидячем положении в стене „Дивари-Кыямат“ в Самарканде.

М. Е. М а с с о н.

Среди памятников минувших веков в Туркестане едва ли не самыми многочисленными и во всяком случае самыми разнообразными являются памятники погребальных культов. Некоторым из них как оссуариям, каменным бабам, несторианским кладбищам посвящено уже по нескольку работ, о других имеются лишь небольшие заметки вскользь, в примечаниях, в газетных статьях «Туркестанских ведомостей» и значительно большая часть еще не стала достоянием науки.

Между тем, не говоря уже о возможности обнаружения известных уклонений в погребениях по ритуалу Ислама (например—открытие погребений XIV века по Р. Хр. в деревянных гробах в Самарканде в 1922 году), при изучении до мусульманского периода эти памятники явятся одними из важнейших материалов. Высказанное уже давно и вполне подтвержденное последующими исследованиями мнение о слабом развитии городской жизни в Туркестане до Ислама не позволяет в будущем ожидать значительных остатков оседлой культуры для древнейших эпох, а кочевые империи, сменявшие одна другую, не могли оставить по себе иных памятников, кроме погребальных.

Конгломерат народностей, прошедший по территории края; разнообразие ритуалов, приводимое в китайских, частью в греческих источниках; упоминания в них о целом ряде предметов быта, зарывавшихся вместе с покойниками—все вместе взятое обещает для будущих исследований богатейшую, едва тронутую ниву. До сих пор почти не обследованы даже крупные курганные погребения. В литературе нет упоминаний о рядовых погребениях Даргомской степи. Число же менее значительных погребений гораздо больше. К этой категории относится и то до сих пор неизвестное погребение, о котором я имею сообщить.

В северной части внешняя стена Самарканда, известная под именем «Дивари-кыямат» دیواری قیامت пролегая в виноградниках и фруктовых садах, проходит всего в нескольких саженях южнее могучего холма-курганчи «Рабаты-Гизиан», одного из древнейших пунктов поселочия под Самаркандом. Здесь «Дивари-кыямат» представляет собою значительной ширины вал с отвесными, обкопанными склнами в среднем высотой около 5 метров.

При одном из неоднократных посещений этого района в 1921 году я заметил в одном месте стены обвал, явившийся результатом постепенного размыва водой, проведенного вдоль сада, арыка и обнаруживший скрытое в стене небольшое помещение, оказавшееся при ближайшем ознакомлении могилой. В этом не было ничего удивительного, т. к. каждому, кто занимался обследованием городищ в Туркестане, приходилось

сталкиваться с еще недостаточно полно объясняемым фактом нахождения в крепостных и городских стенах могил обычно мусульманского погребения с обязательной кладкой боковой ниши и черепом скелета, обращенным на север. В частности в Самарканде подобными могилами изобилует западная часть наружной стены Афросиаба и восточная часть стены городища Тимура.

Но могила в «Дивари-кыямат» значительно отличается от них по своему устройству. Это—яма, суживающаяся книзу благодаря скашиванию стенок, имеющая высоту 1,75 м., ширину в верхней части 0,96 м. и длину, повидимому, около 1,30 м. Взять точный размер длины нельзя, т. к. северная стена могилы вывалилась. Пол ее лежит на 1,80 м. выше современного уровня сада, а потолок, образованный перекрытием из сырцового кирпича находится на 1,33 м. ниже теперешнего гребня стены. Остатки перекрытия дали возможность реконструировать его первоначальный вид. Образовано оно слишком смелым напуском необычайно крупного сырцового кирпича размерами 42 с. × 24 с. × 7,5 с. всего при четырех рядах кладки. Конструкция его убеждает, что доступ в могилу был не сверху. С внутренней стороны свод оштукатурен глиной с саманом. К южной стене на высоте 0,49 м. от пола примыкает земляной выступ в роде ступени со скошенным и изогнутым по дуге фасадом, благодаря чему ширина его у стенок равна 36 с., а у середины лишь 17 с. Остальная площадь земляного пола совершенно ровная. Из стен лучше других сохранилась южная, хотя и в ней благодаря просачиванию воды сверху образовались разрывы. Восточная и западная—потеряли при обвале части, примыкавшие к вывалившейся северной стене. Судя по уцелевшим в стенах кускам и целым плоским жженым кирпичам, а также по следам гнезд от них, легко установить, что южная стена была облицована, начиная от выступа и до потолка, подобными кирпичами, приложенными плашмя на растворе глины с самой незначительной примесью извести. Кладка была начата снизу. Четыре кирпича второго ряда лежали на четырех же первого, а для закрепления третьего ряда устроена была полочка из вставленных в стенки половинок этих же кирпичей ребром, слегка выдававшихся внутрь могилы. Всего уместилось таким образом $3\frac{1}{4}$ ряда, при чем кирпичи последней четверти были оббиты на месте в момент работы. Восточная и западная стены несли лишь, кажется, $1\frac{1}{2}$ верхних ряда кирпичной обшивки, повидимому, не более $5\frac{1}{2}$ —6 кирпичей в одном горизонтальном ряду.

Сами кирпичи плоские, тонкие и хрупкие, которые точнее следовало бы назвать кирпичными плитками, имеют совершенно необычные и не встречавшиеся до сих пор размеры: 37 с. × 23,5 с. × 3 с. Обжиг очень небрежен и можно предположить по излому, что их подвергали кратковременной прокатке с высокой температурой. Тесто их имеет большое содержание крупных частиц кварца.

Груда обвалившейся части с большим количеством разбитых кусков сырцового кирпича с несомненной ясностью свидетельствует, что северная стена могилы была сложена из сырцовых кирпичей уже после того, как могила была приведена в надлежащий вид и в ней сбоку был помещен покойник. Затем к кирпичной кладке была присыпана земля.

Что касается самого положения покойника, то здесь приходится ограничиться лишь показанием туземца, который, обходя утром после обвала сад, увидел в могиле, как бы сидящий скелет у южной стены, прислоненный к ней спиной и обращенный передней частью туловища

на север. Череп скатился на пол. О положении конечностей он никаких сведений дать не мог, но утверждал, что весь скелет находился на узкой площадке уцелевшего пола. Из могилы он достал один целый горшок, но дети его разбили. Кроме того, в ней было еще несколько битых глиняных неглазированных сосудов. Черепки от них осматрены мной. Тонкостенные, гладкие с наружной стороны, они как и кирпичи отличаются дурным обжигом.

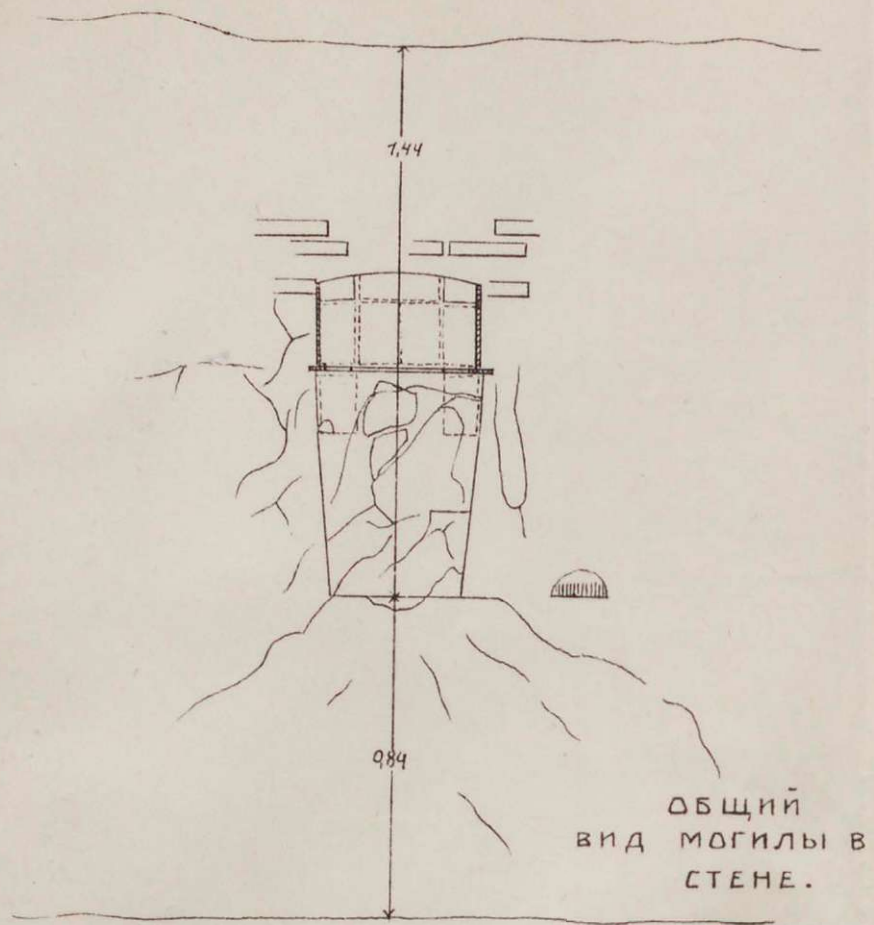
Самые размеры плана могилы не оставляют никакого сомнения в том, что покойника нельзя было поместить в вытянутом положении. Труп мог быть посажен на выступ с опущенными ногами или со скорченными ногами устроен на полу и лишь прислонен к ступенчатому выступу, что очень удобно было сделать благодаря дуговой выемке в нем. Установить это удастся лишь при следующей находке.

В момент осмотра и особенно обмера могилы возникла мысль, не имеем-ли мы дело с заживо замурованным. Но это предположение там же на месте быстро рассеялось при внимательном осмотре внутренности. Во-первых, трудно представить, для чего понадобилась бы тщательная отделка внутренности помещения, если в нем предполагали замуровать живого человека. Между тем земляные стены и пол ровно заглажены, аккуратно выравнена, точно по циркулю, дуга выступа, оштукатурен потолок и облицованы специальными хрупкими плитками стены. Во-вторых, если был бы замурован живой человек, то прежде чем умереть, он, вероятно, в отчаянии царапал бы стены могилы пальцами, сорвал бы кирпичи облицовки, расковырял бы штукатурку, разбил бы всю посуду и в изнеможении свалился в случайной позе. Однако никаких следов этого в могиле нет. Обвал произошел в промежутке между 16 и 23-м октября, когда я бывал на Рабаши Газьян. За три-четыре дня до моего второго посещения обнаружилась могила. Прикопав кости скелета поблизости, хозяин сада целые кирпичи, бывшие тогда все на местах, отковырял для своих надобностей с помощью тиши, и это единственные следы руки человека, потревожившего покой могилы со дня погребения. Когда произошло это последнее, сказать трудно, т. к. даже у самой стены «Дивари-кыямат» нет точной датировки. Известно лишь, что в IX веке она пришла в упадок, и что возникновение ее безусловно относится к до мусульманскому периоду. Черепки посуды и кирпичи облицовки, повидимому, очень древнего происхождения. Одно можно сказать положительно, что Афросиаб пока подобных предметов не давал.

Приведенный мною случай погребения в сидячем положении сам по себе не будет первым в Туркестане. Уже в 1888 году в Закаспийской области в одном плоском кургане Ялатани, на глубине 2-х сажен были найдены большие глиняные кадки с крышками и со скелетами в них в сидячем положении. Известен такой же способ погребения и в Аннау. Но вся обстановка погребений там и в могиле «Дивари-кыямат» совершенно различны.

Ташкент, 4-го июня 1924 года.

Приложение: чертеж могилы.

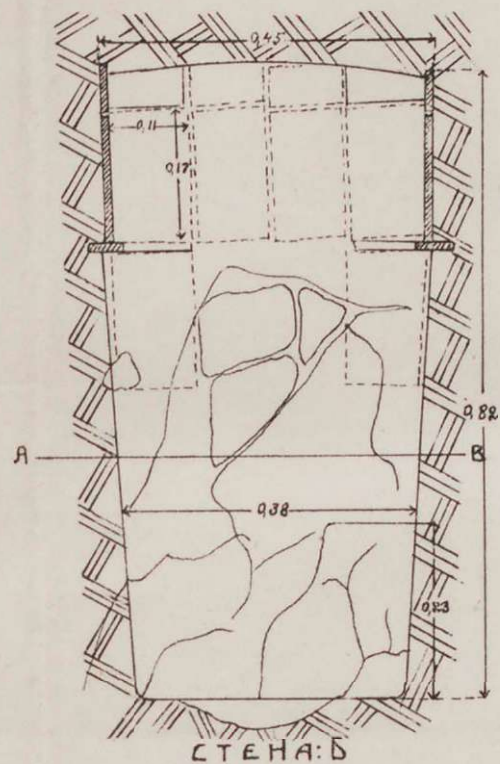

МАСШТАБ

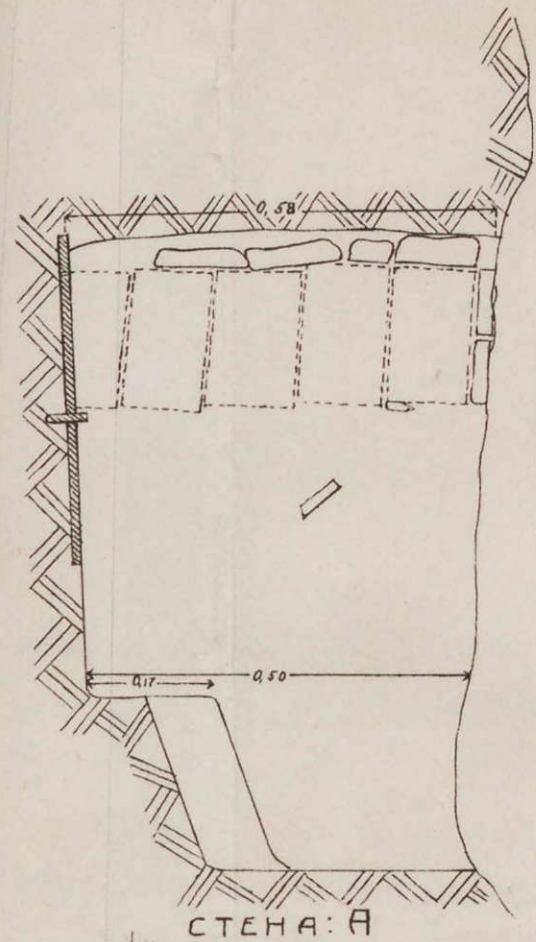
1/2

1

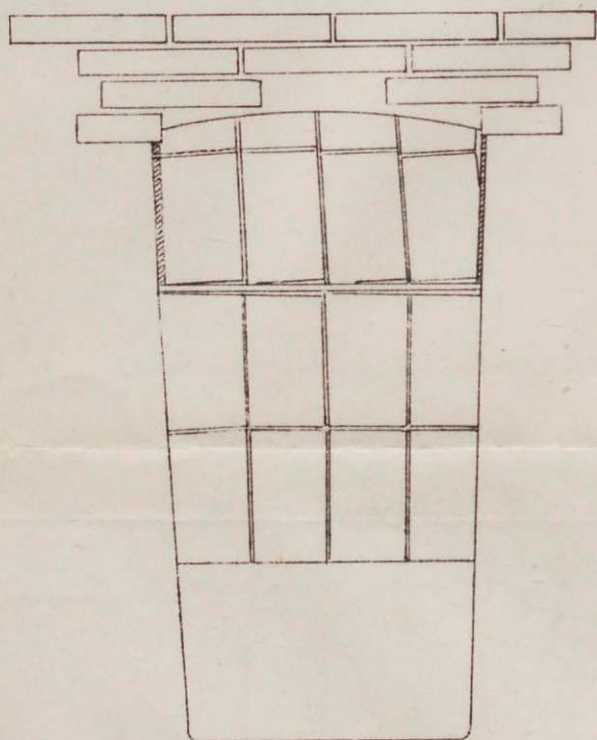
1 1/2 САЖ.

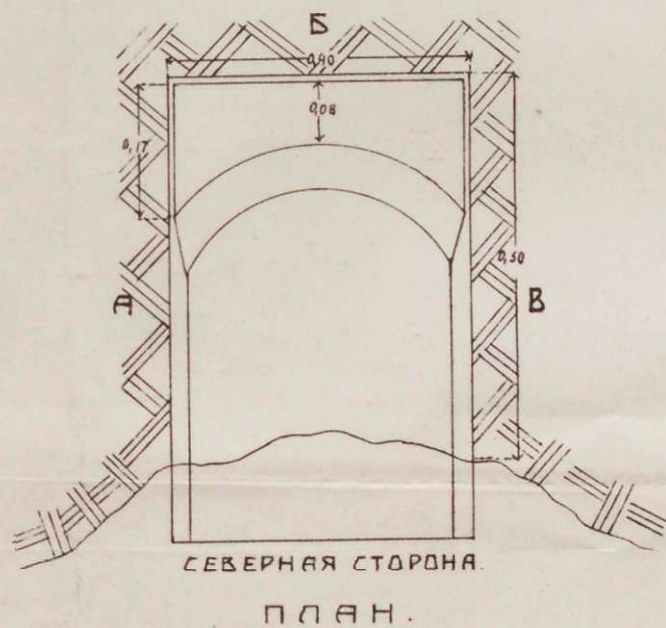
СТЕНА: Б

СТЕНА: А

РЕСТАВРИРОВАННЫЙ
ВИД ПЕРЕКРЫТИЯ И ЗАДНЕЙ СТЕНЫ
МОГИЛЫ.

СЕВЕРНАЯ СТОРОНА

ПЛАН.

МАСШТАБ

ДЛЯ ПЛАНОВ И РАЗРЕЗОВ

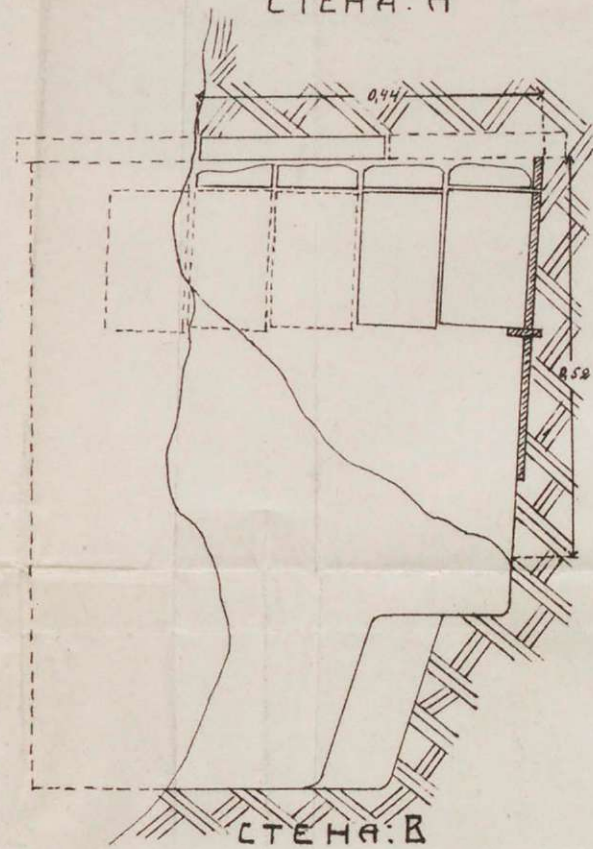
10 САНТИМЕТРОВ = 1 САЖ.

САЖ. 0,10

0

0,50

1 САЖ.

СТЕНА: В

М. МАССОН. 1921 г. ОКТЯБРЯ 23.

Приложение к XVII тому Изв. Турк. отд. Р. Г. О.

УС 51
9 XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВЕСТИЯ СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Том XIX

Под редакцией Секретаря Общества И. А. Райковой

О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городе Туркестане.

Судя по данным арабского дорожника X века, Ле Стрендж и В. Бартольд¹ полагали, что упоминаемый к северу от Кедера в одном дне пути от него город Шавгар приблизительно соответствует нынешнему Туркестану. Последний лежит на расстоянии одного дня пути от развалин Саурана, как то обусловлено тем же дорожником для Шавгара. Полная вероятность утверждения, что современный Туркестан расположен на месте бывшего здесь тысячу лет тому назад значительного городского поселения, еще не подтвердилась никакими материальными фактами. При предварительном археолого-топографическом исследовании летом 1928 года мне пока не удалось обнаружить предметов, которые можно было бы отнести к более ранним эпохам, чем XII—XIII веками датируется резной, светло-зеленой поливы изразец, извлеченный в моем присутствии при рытье колодца у восточного минарета мавзолея Ходжа Ахмеда. Изразец лежал на глубине около 5 м. от поверхности земли, которая в этом месте возвышается над уровнем времени построения Тимуром памятника на 2,7 м.² Просматривавшиеся мной на руках у населения монетные находки, сделанные на территории Туркестана, также не дали ни одного кружка ранее XII столетия.³ Во всяком случае целый ряд находок и, между прочим, обнаружение крупной резной колонны из крепкого буджун-карагача, имеющей дату изготовле-

¹ G. Le Strange, The lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1905, p. 485 и В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, Спб. 1914, стр. 147.

² Колодец рылся шейхами мазара для чисто хозяйственных надобностей, так как тот, которым они до тех пор пользовались и который находится внутри одного из помещений мавзолея, подлежит закрытию, как оказывающий вредное действие на сохранность самого здания. Яма колодца прошла сквозь слой древнего кладбища. С глубины 3,5—5 м., кроме изразца и массы костей из потревоженных могил, были извлечены куски кожи от погребальных мешков, железные скобки от гробов и несколько черепков глиняной посуды.

³ Перечень монетных находок, зарегистрированных мной в 1928 г. в г. Туркестане:

1. Ае. Дин. Илеков; на А следы легенды سيد قتلغ... خانان
2. Arg. » Джагатаидов, 6 диргемов, с именем Казана, ??? г. х.
3. » » Джучидов, Джанибек, Сарай аль Джадид.
4. » » » » Хорезм, 744 г. х.
5. » Тимуридов, Тимур, Самарканд, 797 г. х.
6. » » » и Махмуд, без даты.
7. Ае. » » с тамгой.
8. Arg. » Шахрух, Герат.
9. » » Хусейн, Герат.
10. » » Шейбанидов, Абдулла хан II.
11. » » Аштарханидов, Абд-ал-Азиз.

ния 10 сафара 753 г. х., т. е. 7 апреля 1352 г. н. э.¹ убеждают в том, что на месте нынешнего Туркестана еще в до-тимуровское время был уже значительный город, который обычно отождествляется с городом Ясы, упоминаемым в исторической литературе с эпохи монгольского завоевания². Как отметил В. Бартольд, город получил большее значение, чем прежде, при Тимуре, Тимуридах и узбеках. Широко же известности в мусульманском мире он обязан не только могиле знаменитого турецкого суфия Ходжа Ахмеда, но и стоящему над ней огромному мавзолею, возведенному при Тимуре в период сооружения им целого ряда грандиозных памятников.

Популярность Ходжа Ахмеда, получившего от кочевников прозвище Ата Ясеви, была очень велика уже при жизни шейха. Его проповедническая деятельность среди окрестных турецких племен, обитавших в XII столетии в районе Туркестана, значительно способствовала распространению и укреплению среди них ислама. И, вероятно, вскоре же после его смерти, следовавшей в 562 г. х. (=1166/7 г. н. э.), над его могилой был возведен небольшой мавзолеем, типа дошедших до нас в других местах (Узгендские памятники, мазар Манаса в долине Таласа и др.). Очень возможно, что именно этому небольшому зданию и принадлежат пять резных неглазированных кирпичей от облицовки главного фасада, найденные в 1923 году при ремонте крыш современного мавзолея. Возможно также, что через два века после своего основания оно пришло в ветхость, и Тимур из целого ряда политических расчетов нашел необходимым восстановить и даже заменить его более величественным, дабы его грандиозностью дать сыр-дарьинским степнякам представление о мощи самой империи.

Именно так понял Petis de la Croix строки текста из истории Тимура «Книги побед» Шереф-ед-Дина, где говорится о сооружении нового мавзолея над могилой шейха Ахмеда: «Il (т. е. Тимур) fit rébâtir cette illustre Sepulture».³ Соответствующее место в рукописи *ظفر نامه*, принадлежащей Средне-Азиатской Государственной Библиотеке и числящейся под № 13 по каталогу Каля (С 279), лист ۲۹۲/2, заключает в себе следующую фразу—*وبتعمير ان مزار متبرك اشارت عالی ارزانی داشت*. Слово *تعمير* может означать не только постройку, сооружение, но и перестройку, восстановление, и следовательно допустимо перевести: «Он (Тимур) соизволил отдать высочайшее распоряжение о перестройке того благо-словенного мазара».

Рукопись *ظفر نامه* № 13 после приведенной фразы передает, что положили основание почитаемому зданию, содержащему большой высокий портал, два минарета и куполообразное помещение с квадратным основанием, стороны которого равнялись 30 гязам. Подле большого купола еще куполообразное помещение со стороной в 12 гязов в виде ча'р-суфы для гробницы шейха. По сторонам сделали две другие ча'р-суфы, каж-

¹ Кроме того, мной обнаружена еще одна резная колонна с каемкой из птичек и датой изготовления 876 г. х. или 1471 г. н. э. Являясь для XIV и XV веков уникальными, эти две датированные колонны имеют весьма важное значение для изучения архитектуры Средней Азии, т. к. стиль их до сих пор был совершенно неизвестен. Главной особенностью вновь открытых колонн, отличающей их как от более ранних, так и от позднейших, является своеобразная форма ствола, постепенно расширяющегося от шарообразного основания кверху, при чем верхний раструб, который можно назвать и капителью, оказывается как бы естественным продолжением этого уширения.

² Мысль, что Ясы и Туркестан два различные города, высказанная впервые, кажется, Шармуа, совпадает с мнением стариков-туркестанцев, утверждающих, что развалины Ясы (или Еси) находятся к ю.-в. от Туркестана в сторону Отрара.

³ Petis de la Croix, *Histoire de Timur-bec*, v. II, Delf, 1723, p. 426.

дая 13,5 гязов в ширину и 16,5 гязов в длину для устройства собраний¹. Кроме того, еще несколько комнат для приезжих на поклонение и других надобностей. Стены и купол здания должны были быть украшены изразцами, а самое надгробие сложено из тесаного камня, покрытого резным орнаментом. Попечение об этом здании было возложено на Мавляна Убайдулла (можно прочесть и Абдулла) Садра. Согласно приказанию, здание было окончено в течение двух лет.

Этот срок указывается в большинстве списков «Книги побед» и в известном труде Мирхонда *روضه الصفا*².

Рукопись *ظفرنامه* той же библиотеки под № 12 каталога Каля (С 238, лист. ۱۴۰) начинает рассказ о постройке мавзолея Ходжа Ахмеда словами: *وبعمارت ان مزار متبرك اشارت عالي ارزاني داشت*, после чего приведены размеры главного купола (диаметр, должно быть, внешний—41 гяз; окружность—130 гяз³), в соответствии с которыми должна была быть и его высота. Стены и купол предполагалось покрыть изразцами; дверные петли и стоящий посредине водоем (хауз) отлиты из сплава семи металлов. Надгробие же выложено из тесаного тавризмского мрамора, покрытого чудесным рисунком⁴. Далее следует упоминание того же зрителя работ, что и в рукописи 13, но срок окончания уменьшен до одного года, как и в рукописи, принадлежащей В. Л. Вяткину⁵.

Нельзя не усумниться в том, что такое крупное здание как двухэтажный мавзолей Ходжа Ахмеда в условиях приемов работы и техники конца XIV—начала XV веков могло быть окончено в столь короткий срок, как один или два года. Для этого достаточно только сравнить темп работы на других одновременных ему памятниках.

Знаменитый дворец Тимура в Кеше Ак-сарай, уцелевший главный вход которого имеет много общего с порталом туркестанского мавзолея, начали возводить еще в 1380 году. Между тем, проезжавший через Кеш испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо в 1404 году застал работы в полном разгаре. Он отмечает в своем дневнике под 29 августа: «Говорят, что уже двадцать лет в нем работали каждый день, и даже теперь работало много мастеров».

Огромные средства из пополнившейся после набега на Индию казны были отпущены Тимуром весной 1399 года на сооружение в Самарканде соборной мечети, чьи величественные развалины известны теперь под именем мечети Биби Ханым. Даже при столичном масштабе работ, когда одних только каменотесов поставлено было около 500 человек; даже при спешке, которая, повидимому, обусловила малую прочность и недолговечность здания, все же его удалось возвести, судя по надписи на каменной плите, только в 806 г. х. или 1403/4 г. н. э. Впрочем, нет уверенности, что эта вырезанная дата действительно знаменует полное завершение работ. Тот же Клавихо поздней осенью 1404 года застал в

¹ О толковании термина *ча'р-суфа* см. В Бартольд, О погребении Тимура, З. В. О., т. XXIII, Петроград, 1915 стр. 18—19.

² См. напр. литографированное издание его *طهران*, ۱۲۷۰, ۶, ۴۰/۲

³ Современный гяз равен приблизительно одному метру. Гяз эпохи Тимура соответствовал, повидимому, средневековому европейскому «локту». Внутренняя сторона казанька, перекрытого главным куполом, размеры которого приводятся Шереф-ед-Дином, равна 18,14 м., а по рукописи *ظفرنامه* № 13—30 гяз.

⁴ Осмотренная мной крупная сагана над могилой Ходжа Ахмеда, скрытая всегда несколькими покрывалами (кабрпуш), сложена из гладких плит светло-зеленого привозного, возможно, из Тавриза, мрамора, но не имеет никаких орнаментов и надписей. Часть плит с западной стороны значительно выкрошилась.

⁵ «Туркестанские Ведомости», 1906, № 93. Историческая справка, В. В.

переделке некоторые ее главные части. Строительные работы на мечети прекратились из-за выпавшего снега.

Вот почему нельзя придавать серьезного значения словам историка Тимура Шереф-ед-Дина о годичном или двухгодичном сроке, в который Мавляна Убайдулла Садр справился, якобы, с предложенной ему задачей. Как известно, начало постройки автор *ظفر نامه* связывает с событиями конца 799 г. х., последним днем которого было 23 сентября 1397 года. К этому времени в Самарканде было закончено устройство сада Дилькуша для невесты великого эмира Тукель ханым, дочери моголистанского владетеля Хызр Ходжа Хана. Тимур выступил ей навстречу и остановился в Ахангеране, в селении Чинас. Отсюда он в ожидании Тукель ханым проехал в город Ясы и торжественно совершил обряд зиарата могиле туркестанского шейха. Как видно из дальнейшего изложения, в сентябре же месяце Тимур оставил город Ясы и больше в нем не бывал.

Из текста Шереф-ед-Дина легко предположить, что именно при совершении зиарата был отдан приказ о возведении нового мавзолея над могилой Ходжа Ахмеда. Однако, анализ некоторых дат на предметах самого памятника с несомненностью убеждает, что это случилось значительно раньше, и что при своем паломничестве в Туркестан Тимур застал, повидимому, работы в полном разгаре. Шесть чудесных огромных бронзовых подставок для чирагов и свечей с богатой инкрустацией серебром, которые по надписи на них изготовлялись в качестве утвари для усыпальницы Ходжа Ахмеда по распоряжению Тимура, все работы одного лица—Изз-ед-Дина. Каждая из подставок у мастера должна была отнять не мало времени на свое изготовление, а в общей сложности на них пошло несколько месяцев кропотливого труда. Между тем, все они имеют датой изготовления 799 г.х. На одной из подставок в надписи назван даже день окончания ее работы—20 рамазана 799 г. х. т. е. 17 июня 1397 г. н. э. Следовательно Тимур, совершая свой зиарат в самом конце 799 г. х., т.е. в сентябре 1397 года, должен был уже видеть их вполне готовыми. Мог видеть он и чудесную пару ажурных бронзовых дверных петель (халька), имеющую ту же дату изготовления. С их шарнира глядят три львиные головы. В орнамент самих петель вплетены рыбы и птичьи головы. Инкрустированные золотом и серебром они в тексте надписей называют имя того же мастера Изз-ед-Дина. Он же был творцом и второй пары меньших по размеру петель внутренних дверей, ведущих в самую усыпальницу. Их дата—797 г. х., т. е. 1394/5 г. н. э. Так как трудно допустить такую последовательность в работе, при которой сперва изготавливаются предметы внутреннего убранства задуманного здания (петли дверные, подставки для чирагов и свечей), а потом уже приступают к возведению самих стен, то очевидно, что закладка мавзолея Ходжа Ахмеда имела место на несколько лет раньше чем Тимур посетил Туркестан¹.

В полном согласии с этим находится местное предание. Оно записано несколько времени спустя после того, как совершались излагаемые в нем события неким Мулла Имамом Сыгнаки в его труде *اوصاف حميد سلطان*. По его сведениям, хан Золотой Орды Тохтамыш во время одного из своих набегов на владения Тимура ограбил мазар Ходжа Ахмеда и живших при нем шейхов. Тимур, явившийся мстителем за «поруганную святыню», нагнал татар около *اسيل سو*, разбил их, отнял награб-

¹ Такая хронологическая ошибка в тексте «Книги побед» может быть объяснена тем, что Шереф-ед-Дин приступил к ее составлению в 822 г. х. (1429 г.), т. е. много лет спустя после описываемого события.

ленное и за счет большой военной добычи начал сооружение нового большого мавзолея над могилой Ходжа Ахмеда. Эмир собирался, будто бы, возвести еще и медресе, но смерть помешала ему исполнить это. Очень возможно, что в этих сведениях нашли свое отражение некоторые истинные события¹.

Многие из исследователей, принимавшие датой закладки 799 г. х. и двухгодичный срок окончания мавзолея, датой завершения работ считали 20 шавалля 801 г. х., т. е. 25 июня 1399 г. Эти цифры помещены на огромном бронзовом котле, стоящем в центре главного помещения, и означают лишь время отливки котла, не имея, как справедливо указал С. Маллицкий², никакого отношения к дате окончания памятника. Последней нет ни на стенах памятника, ни в надписи на каменной плите над входной дверью в самую усыпальницу, где говорится лишь, что ее (روضه) построил великий эмир Тимур. Зато над наружной нишей северной стены с могилой некоего Кукрас-хана, в конце огибающей все здание изразцовой надписи, заключающей, как установил Т. Мир-Гиязов, стихи корана *سورة الانعام*, мне удалось разобрать большую часть сохранившегося текста, выложенного синими кирпичиками: *عمل (ق) هيد خاجى حسن سته (ق) شيرازى فى تاريخ سنه ثمان (ما يه)* Часть этой надписи, а именно имя мастера привел в одной из своих работ Бекчурин,³ осматривавший памятники в 1865 г. С тех пор ее никто не видел, и считалось, что она утрачена благодаря последовавшему сильному разрушению карниза⁴. В действительности совершенно уничтожено лишь несколько буквенных знаков, в том числе последние четыре буквы даты 800 г. х., т. е. 1397/8 г. н. э., когда мастер Ходжи Хасан (а не Хусейн, как приведено у Бекчурина) родом из Ширази заканчивал выкладку изразцовой рубашки стен трех второстепенных фасадов. Что в надписи указан именно 800 г. х. и при нем не было никаких единиц, с совершенной очевидностью вытекает из отсутствия места для начертания в обрамлении хотя бы еще одной буквы, а не только целого слова. Надпись не дает никаких оснований считать Ходжи Хасана творцом самого памятника. Можно лишь утверждать, что он выкладывал из продолговатых и квадратных кирпичиков в геометрических рамках благочестивые восклицания, начертанием букв напоминающие тоже геометрические орнаменты. После же окончания облицовки стен в 800 г. х. предстояла работа по покрытию изразцовой рубашкой барабанов и куполов, на что требовалось еще немало времени.

В феврале 1405 года в городе Отраре, километрах в 50 к югу от места погребения Ходжа Ахмеда, скончался Тимур, смерть которого прервала, по видимому, не только его последнее грандиозное предприятие — поход на Китай. Вероятно, за смертью заказчика остался незавершенным туркестанский мавзолей, что ясно каждому при взгляде на его не-

¹ К сожалению, неизвестно на основании каких источников автор статьи «Азрет—мусульманская святыня в Туркестане», помещенной в № 5 выходящего в середине прошлого века «Справочного листа города Кавани», построение мавзолея Ходжи Ахмеда отнес также ко времени похода Тимура против Тохтамыша.

² С. Маллицкий. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Ясавийского в гор. Туркестане, Протоколы заседаний... Турк. Кружка Люб. Археогии, год XIII. Ташкент, 1908, стр. 22. Этот труд, остающийся до сих пор лучшим историко-архитектурным исследованием памятника, своим появлением способствовал проявлению к мавзолею широкого общественного интереса.

³ Бекчурин. Туркестанская область. Казань, 1872, стр. 54.

⁴ А. Семенов. Мечеть Ходжи Ахмеда Есавийского в Туркестане. Изв. Средазкомстариса, в I. Ташкент, 1926, стр. 122.

достроенное черное тело главного портала. Даже сведение арки и достройку верха щипцовой стены предание приписывает Абдулла хану Бухарскому, который, как явствует из его дошедшей до нас грамоты (датированной 1000 г. х.) шейхам мазара Ходжа Ахмеда, проявлял внимание к этой мусульманской святыне. Это предание не противоречит данным современного исследования. Наличие двух периодов постройки совершенно очевидно. Однако, провести точную границу, где кончается первоначальная кладка и где начинается вторичная, пока затруднительно. Некоторые считали, что уровень кладки эпохи Тимура совпадает точно с уровнем, где кончаются грани минаретов, и что при Абдулла хане на них в полном противоречии с первоначальным планом вывели цилиндрические верхи. Идентичные формы величественного портала Ак-сарая в Кеше убеждают нас в малой основательности этого предположения. Во всяком случае вторичная достройка началась где-то вблизи этого уровня. Именно до этой границы облицованы изразцами с задней стороны первые грани обоих минаретов. До этого уровня в стенах зияют небольшие квадратные отверстия, в которых держались балки строительных лесов, а в вышележащей позднейшей кладке гнезда значительно больших размеров и большинство еще сохранило торчащие короткие бревна¹. В самой кривой беспокойно вонзающейся в воздух арки можно почувствовать, что она сведена не архитекторами, строившими все остальные части здания в определенных строгих пропорциях. В еще большем расхождении со стилем XIV века находится верхняя большая ниша в щипцовой стене с ее своеобразной галлереей. Непропорционально большая на портале мавзолея Ходжа Ахмеда, такая ниша вообще не свойственна памятникам эпохи Тимуридов и вошла в употребление лишь с XVI столетия. И неприятно режут глаз проступающие в сквозных разрезах ее верхних окон изразцовые буквы надписи на барабане главного купола.

Может быть к лучшему, что при вторичной достройке все же портал не был окончательно завершен. Было ли это действительно при Абдулла хане II (1583—1598), пока трудно сказать. Под самым замком арки на огромной высоте висит медный шар, который мог быть там укреплен только в период вторичных работ. По преданию, в него Абдулла хан положил золото на тот случай, что арка может рухнуть, и тогда оно пойдет на ее восстановление. Не исключена возможность, что содержимое полого шара может дать при исследовании какие-нибудь указания на дату строительных работ второго периода. Грубые крепостные зубцы, венчающие теперь минареты и портал, появились около ста лет тому назад уже в период кокандского владычества.

Заканчивая свои замечания о времени сооружения мавзолея Ходжа Ахмеда, мне хотелось бы подчеркнуть необычайное обилие, сравнительно с другими памятниками зодчества прошлых веков, дошедших имен участников, приложивших на нем свой труд. Не говоря уже о руководителе работ Мавляна Убайдулла Садре, мы знаем мастера Ходжи Хасана родом из Шираза, производившего выкладку изразцовой рубашки. Шиит по религиозным убеждениям он в одном из квадратов у северо-западной угловой полуколонны вывел голубыми изразцами рядом с именем пророка и имя особо чтимого им халифа Али. На шестиугольной майоликовой плитке, обнаруженной в 1925 году одним любознатель-

¹ На одном бревне сохранилась целая группа больших железных гвоздей, которыми к балкам пришивали досчатый настил лесов.

ным шейхом, на барабане малого ребристого купола самой усыпальницы сохранилось имя другого ширазца Шемс Абд-ал-Вахоба. Квадратным почерком выведено: *البنا عمل شمس عبد الوهاب شيرازي*. Слова «постройка работы (такого то)» свидетельствуют, что этот ширазец был творцом если и не всего мавзолея, то вероятно самой усыпальницы. Исфаганец Изз-ед-Дин, сын Тадж-ед-Дина сработал упоминавшиеся бронзовые дверные петли и подставки для чирагов и свечей. Огромный бронзовый котел отлит по надписи на нем Абд-ал-Азизом, сыном Сарвар-ед-Дина из Тавриза¹.

Само собой напрашивается предположение, не должно ли в архитектуре и убранстве туркестанского мавзолея, родиной мастеров которого были Шираз, Исфагань, Тавриз, ожидать больше чем на других памятниках черт персидского влияния? И не участием ли персидских зодчих следует объяснить отсутствие кладки фундамента, тогда как на других зданиях Тимура и Тимуридов она отличается большой массивностью? Заложенные мной летом 1928 года 7 шурфов установили, что под стены мавзолея Ходжа Ахмеда было положено лишь несколько рядов кирпичной кладки на глубину 25—30 см. от бывшего тогда уровня земли. Только под минаретами, а должно быть и под порталом, котлованы около двух метров глубиной были набиты снизу мелкой, а сверху более крупной галькой без всякого раствора. Влиянием персидских мастеров, вероятно, следует объяснить появление в Малом Ак-сараяе и Китаб-хане арок с заплечиками, т. к. эта архитектурная форма совершенно неизвестна на памятниках Средней Азии до-тимуровской эпохи. Окончательный вывод возможен будет только после специального историко-архитектурного исследования мавзолея Ходжа Ахмеда в сопоставлении с одновременными ему сооружениями в других местах Туркестана и Персии.

М. Е. Массон.

¹ В обиход научной литературы вошло ошибочное чтение имени отца—Шереф-ед-Дин. См. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. Спб. 1870, стр. 18. Н. Веселовский. Экспедиция в город Туркестан для снятия планов и зарисовки в красках местной мечети. Изв. Рус. Ком-та для изуч. Ср. и Вост. Азии, № 6. Спб. 1906, стр. 24. Как передавал мне А. Усов, существует поверье, что в этот котел помещали жертвенных баранов. И если жертва была угодна богу, то один баран чудесно наполнял собой весь котел. Если нет, то и несколько бараньих туш не могли его заполнить до краев.